

Найдя спрятанную ранее большую жгучую траву, Лю Яоцин снова выжал из неё сок и вышел из дома.

— Опять кормить хорька?

Син-гэ, лежа на кровати, свесил руку вниз и играл с Эр Ха.

— Да, кормлю скотину, — Лю Яоцин, не оборачиваясь, ответил.

Он отнёс курицу на улицу и, вернувшись с пустой миской, молча лёг спать.

Ли-ши готовила курицу не просто в воде. Она слегка обжаривала её, а в жаркие дни добавляла немного куриного бульона. Аромат был настолько насыщенным, что даже на расстоянии полули его можно было почувствовать. Такие запахи были редкостью в их доме, где мясо было диковинкой.

Под покровом ночи младшая Ли-ши вышла, собрала всю курицу и, вернувшись в дом, начала ворчать:

— Этот Цин-гэр, если не хочет есть курицу, мог бы отдать её нам, зачем кормить хорька?

— Он добавил большую жгучую траву?

Лю Цюаньфу тоже хотел попробовать, но, вспомнив, как младшая Ли-ши мучилась с животом, не решился.

Рядом Сяо Бао, глядя на курицу, пускал слюни. На ужин не было ничего вкусного, даже у старика Лю не было закуски, и он не пил вина, поэтому Сяо Бао тоже не получил ничего особенного. Теперь он едва мог сдержать себя.

— Быстро вынеси.

Увидев состояние Сяо Бао, Лю Цюаньфу поспешно подтолкнул младшую Ли-ши.

Сяо Бао был тем, кто забывал боль ради еды. Он уже забыл о своём прошлом страдании, и теперь его манил аромат курицы.

— Эх, лучше бы я не брала её, — младшая Ли-ши колебалась, но так и не решилась съесть курицу, снова вынесла её. Но, проходя мимо курятника и видя кур, неподвижно сидящих на насестах, она не смогла удержаться.

На следующий день рано утром Лю Яоцин встал и пересчитал кур в курятнике. Обнаружив, что одной не хватает, он улыбнулся. За завтраком он обратился к старику Лю:

— Дедушка, что будет, если я украду курицу из дома?

Старик Лю плохо спал прошлой ночью. Он то думал о том, как Лю Яоцин женится на сыне чиновника и принесёт домой кучу денег, то о том, как Лю Яоцин сам сбежал в уездный город, вернулся и наврал, что хочет жениться на Чжэцзы. В его сердце царил хаос, и он чувствовал себя ужасно. Услышав слова Лю Яоцина, он резко сказал:

— Вытащить и сломать ногу!

— Ты украл курицу?

Лю Цюаньцзинь тут же посмотрел на него:

— Тебе мало той дикой курицы, что ты ел? Ты ещё и домашнюю украл! Вижу, ты становишься всё смелее. Иди и стань на колени!

Лю Цюаньцзинь, который раньше только вздыхал и игнорировал всех в третьей семье, теперь был недоволен. Ли-ши, следуя указаниям Лю Яоцина, приготовила ту дикую курицу, кормила мясом и бульоном двух щенков и немного дала Син-гэ, но другим ничего не досталось.

Такая большая дикая курица, и когда Лю Яоцин вернулся, мяса ещё оставалось много. Всё, очевидно, предназначалось ему. Лю Цюаньцзинь чувствовал себя ещё более неудовлетворённым.

Не обращая внимания на Лю Цюаньцзиня, Лю Яоцин с улыбкой посмотрел на Лю Цюаньфу и спросил:

— Дедушка, все в семье должны быть равны, верно? Если мне сломают ногу, а другим всё сойдёт с рук, как ты думаешь, в семье будет мир?

Услышав это, старик Лю пожалел о своих словах. Он всю ночь злился на Лю Яоцина, и это вырвалось случайно. Сказав это, он понял, что был неправ. Он знал, что Лю Яоцин не мог украсть курицу. К тому же Чжэцзы относился к нему так хорошо, что, если бы тот захотел курицу, он бы просто принёс её.

— Это...

Старик Лю хотел забрать свои слова обратно.

— Отец, если Цин-гэр действительно украл курицу, я сам сломаю ему ногу!

Лю Цюаньцзинь не мог терпеть, если его ребёнок становился вором. Он считал себя отцом и обязан был с этим разобраться:

— Если Цин-гэр станет вором, будет уже поздно.

Из-за вмешательства Лю Цюаньцзиня старик Лю не успел ничего сказать.

Тем временем Лю Яоцин отправил Хэйбэя искать курицу. Через несколько мгновений Хэйбэй, следуя за запахом, вбежал в комнату старшего сына и выгнал оттуда курицу, у которой была слабо связана нога.

— Эта курица только в прошлом году начала нести яйца, и сейчас самое время для неё, — Лю Яоцин, глядя, как Хэйбэй выгоняет курицу, быстро сказал. — Вчера вечером я не был в комнате дяди. Кто ещё там был? Или курица сама туда зашла?

Слабо связанная на крыле курицы верёвка была похожа на поясok младшей Ли-ши, который знали все в семье.

— Так кому же ломать ногу?

Лю Яоцин посмотрел на младшую Ли-ши, Лю Цюаньфу и детей старшего сына, заставив их всех съёжиться, как перепуганных перепелов.

Лю Цюаньцзинь тоже замолчал, и через некоторое время пробормотал:

— Эта курица совсем распоясалась.

— Вот именно, откуда я знал, что курица зайдёт в мою комнату?

Лю Цюаньфу подхватил тему, считая, что говорит разумно:

— Цин-гэр, я думаю, это ты подбросил курицу в мою комнату. Иначе как твоя собака так быстро её нашла?

Не ввязываясь в пререкания с Лю Цюаньфу, Лю Яоцин обратился к старику Лю:

— Раньше все в деревне знали, что в нашей семье есть те, кто предпочитает одних другим. Сегодня я скажу прямо. Если дедушка не объяснит всё как следует, я пойду в деревню и расскажу всем, что дедушка хотел сломать мне ногу за кражу курицы, а когда это сделал старший сын, всё сошло с рук.

Хотя в каждой семье есть свои проблемы, но обычно предпочтения остаются за закрытыми дверями. Если Лю Яоцин действительно начнёт рассказывать об этом, скоро вся деревня узнает, как старик Лю предпочитает одних другим, и разница в отношении к одной курице станет темой для обсуждения.

Не говоря уже о будущем, даже сейчас, если старик Лю выйдет из дома, его обязательно спросят, как он справился с этой ситуацией и как он может так явно предпочитать одних другим, не думая о своей репутации.

В деревне было так: за закрытыми дверями можно было делать что угодно, но если сорвать завесу тайны, всё становилось неприятным.

Лю Цюаньцзинь тоже нервничал, он пытался подать Лю Яоцину знаки, но никто не обращал на него внимания.

— Говори, — вздохнул старик Лю.

Он прожил долгую жизнь, но теперь не мог понять маленького Лю Яоцина. Он чувствовал себя усталым, но не понял, что настоящим источником проблем был не Лю Яоцин, а его любимый старший сын, которого он так лелеял.

— Дядя распускал слухи, что я сбежал с женщиной. Мне это не нравится.

Лю Яоцин дорожил своей репутацией. Он уже планировал жить с Чжэцзы-гэ, и нужно было избавиться от этих сплетен:

— Пусть дядя объяснит всё деревне. Если я ещё раз услышу, что кто-то говорит, будто я сбежал с женщиной, мне придётся вернуться и обсудить с дедушкой, кому ломать ногу.

— Ты!

Лю Цюаньфу закричал, как кошка, на которую наступили.

— Замолчи и ешь. Потом так и сделаем!

Старик Лю, однако, считал это предложение приемлемым. Во-первых, репутация Лю Яоцина уже была подорвана, хорошая свадьба сорвалась, и он хотел, чтобы все слухи, распускаемые Лю Цюаньфу, развеялись, чтобы его собственная репутация осталась чистой. Во-вторых, он

знал, как курица оказалась в комнате старшего сына. Раньше в доме тоже пропадали куры, и он и Ли-ши знали, кто их съел.

С ненавистью глядя на Лю Яоцина, Лю Цюаньфу ел свой завтрак, скрипя зубами.

Всё, что произошло прошлой ночью, было явно спланировано Лю Яоцином, но если бы он посмел сказать это, Лю Яоцин, вероятно, приготовил бы для него ещё что-то, и ему пришлось бы проглотить эту пилюлю.

После еды Лю Яоцин вышел из дома. Чжэцзы уже ждал его у входа в переулок с воловьей повозкой, на которой был аккуратно упакованный глиняный кувшин.

В городок они добрались к полудню. Вместе они пошли в лапшичную, съели по большой миске супа с вонтонами и начали думать, к какому врачу лучше обратиться. В городке было две аптеки: в одной работал только старый врач, а в другой было несколько врачей, но их услуги были дороже, и деревенские жители редко туда ходили.

— Пойдём спросим у старого врача, — решил Лю Яоцин. — В аптеке с несколькими врачами больше ценили деньги, и его могли обмануть. Старый же врач меньше заботился о деньгах и больше о лечении, поэтому, вероятно, был честнее.

<http://bllate.org/book/16688/1531732>